

ЭПИТАЛАМИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ М.Н.МУРАВЬЕВА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

© 2015 А.Н.Пашкуров

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Статья поступила в редакцию 15.04.2015

В настоящей статье рассматривается динамика генезиса и эволюции эпиталамической системы в литературе русского сентиментализма и предромантизма на материале творчества одного из ведущих представителей этих направлений в России XVIII века – Михаила Никитича Муравьева (1757 – 1807).

Ключевые слова: эпиталамические мотивы, Муравьев, поэтика русской литературы последней трети XVIII столетия.

Генезис и эволюция эпиталамы как жанрового феномена и эпиталамических мотивов как системы в русской литературе первого века Нового времени – проблема для современной филологии открытая и динамично неоднозначная.

Первое существенное при рассмотрении истории вопроса заключается в том, что все эти процессы находятся внутри сложной многоуровневой системы русских неоклассицистических традиций, особенно активизирующейся к последней четверти XVIII века и началу XIX века¹.

В то же время корни проблемы уходят и более глубоко – и связано это с устойчивым и постоянным интересом российских авторов к античной литературной культуре, что наблюдается еще в словесности Предвозрождения Руси в XVI веке². Ряд исследований последних лет авторитетных специалистов в области истории русской словесности позволяет говорить, наконец, и о существенном влиянии мифологической интерпретации восточной культуры (на материале творческого наследия Г.Р.Державина – см. недавнюю статью проф. Анны Варды в специальном выпуске журнала «Филология и культура», приуроченном к проходившей в декабре 2014 года Между-

народной конференции «Г.Р.Державин и диалектика культур»³).

В судьбе и творчестве одного из зачинателей русского сентиментализма и предромантизма Михаила Никитича Муравьева (1757 – 1807) античная культура, ее понятия, идеалы, сама система ее мировидения проходят красной нитью⁴.

³ Варда, А. Гавриил Державин и «Фелицейский цикл» / А.Варда // Филология и культура. – 2015. – № 1 (39). – С.125 – 127.

⁴ См., к примеру, исследования: Бруханский, А.Н. М.Н.Муравьев и «лёгкое стихотворство» / А.Н.Бруханский // XVIII век. Сб.4. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – С.151 – 171; Егунов, А.Н. Гомер в русских переводах XVIII – XIX вв. / А.Н.Егунов. – М.: Индрик, 2001. – 400 с.; Западов, В.А. Русский стих XVIII – начала XIX века (Ритмика) / В.А.Западов. – Л.: ЛГПИ, 1974. – 56 с.; Кулакова, Л.И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века / Л.И.Кулакова. – Л.: Просвещение, 1968. – С.191 – 206; Луцевич, Л.Ф. К проблеме литературно-теоретических взглядов М.Н.Муравьева и К.Н.Батюшкова / Л.Ф.Луцевич // Венок поэту: Жизнь и творчество К.Н.Батюшкова. – Вологда: Вологодское книжное изд-во, 1989. – С.28 – 37; Морозова, Г.В. Гораций в творчестве Муравьева / Г.В.Морозова // Проблемы жанра и взаимодействие литератур. – Алма-Ата: Изд-во КазГУ, 1986. – С.99 – 103; Петривная, Е.К. Античные традиции в басенном творчестве М.Н.Муравьева / Е.К.Петривная // Михаил Муравьев и его время. – Казань: РИЦ, 2011. – С.125 – 133; Попович, А.В. Мифологема Золотого века в поэзии М.Н.Муравьева / А.В.Попович // Михаил Муравьев и его время. – Казань: РИЦ, 2011. – С.111 – 117; Резниченко, Л.И. О некоторых особенностях антологической лирики М.Н.Муравьева / Л.И.Резниченко // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. – Л.: ЛГПИ, 1990. – Вып.8. – С.87 – 97; Яценко, О.А. «Незабвенное имя для сердец благородных...»: М.Н.Муравьев и его воспитанники / О.А.Яценко // ... И в просвещении статья с веком наравне.... – СПб.: Всеросс. музей А.С.Пушкина, 1992. – С.104 – 117.

⁰ Пашкуров Алексей Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации. E-mail: anp.72@mail.ru

¹ Подробнее – см.: Кузьмина, Е.И. Неоклассицизм как литературно-эстетическое явление рубежа XVIII – XIX веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук (10.01.01 – русская литература) / Елена Ивановна Кузьмина. Оренбург, 2001. – 17 с.

² Шохин, К.В. Очерк истории развития эстетической мысли в России: (Древнерусская эстетика XI – XVII вв.) / К.В.Шохин. – М.: Высш.школа, 1963. – 115 с.

Эпиталамические мотивы лирики Муравьева в контексте подобного культа Античности представляют для исследователей творчества поэта особенный интерес.

Для более обстоятельного вхождения в новую проблему, перед конкретным историко-литературным анализом необходимым представляется нам сделать несколько существенных вводных замечаний.

До сих пор, включая и самые недавние исследования, акцент при рассмотрении эпиталамики делался либо на поиск параллелей / влияний античных авторов, либо на эволюцию торжественно-панегирической оды в этом ключе⁵. Известный современный исследователь А.В.Петров, автор фактически единственного целостного на данный момент исследования по истории и теории русской эпиталамы в XVIII веке, в центр рассмотрения также не случайно ставит, в связи со всем этим, эпиталамы русским монархам и их наследникам⁶.

Традиционно главенствующей традицией в эпиталамике признается классицистическая, опирающаяся на неоспоримый авторитет и культ Античности. При этом, таким образом, выпадают из поля внимания: а) эпиталамы сентименталистов – предромантиков – романтиков (далее цепочка, по счастью, «восстанавливается»: не случайно А.Петров отмечает рост исследовательского интереса к эпиталамам России от Фета – к Серебряному веку⁷), б) в другом ракурсе взгляда, – «простые эпиталамы», т.е. – не освященные именем определенного высокопоставленного лица, адресованные малому теплomu кругу и связанные неразрывно с семейной, домашней поэтикой.

Цельные западные традиции, и эпиталамика – яркий тому пример, никогда не сохраняли в нашей литературной культуре неприкосновен-

но-цельный свой характер, а трансформировались / дробились. Конкретнее, говоря на нашем материале: эпиталамика – это не только сами лирические гимны смежной с одой жанровой модели, но и система эпиталамических мотивов, свободно использующая для своей самореализации жанровый материал и «легкой поэзии», и идиллии, и элегии, и баллады, и даже – иных, нелирических родов литературы: «чувствительной повести», комической оперы и целого ряда других.

При таком динамично расширенном понимании эпиталамики, логично признать, что отнюдь не обязателен жесткий диктат позиции, при которой автор-создатель – только адресант эпиталамы. Сентименталисты и предромантики в целом совершили свою психологическую революцию прежде всего тем, что признали растворенность своего «я» в мире и свой постоянный диалог с этим миром (мир и творчество – как единый «лирический дневник»), из чего возник и принцип «соучастия-сочувствия». Автор эпиталамы может посвящать свои творения не только выше и далеко стоящим, но и своему «второму Я» – семье, как и собственно самому себе.

Гармоничная и добропорядочная эпиталамика античности попала в ситуации литературной культуры российского XVIII века в окружение традиций достаточно необычных. В итоге и изначально ее содержательный смысл – собственно как комплекс стихотворных жанров лирической темы бракосочетания – стал существенно трансформироваться.

С одной стороны, еще через анонимную любовную лирику начала века, проникает в эпиталамику волна религиозно-философских воззрений Древней Руси, прежде всего – в свете концепта одухотворенной, благословенной Богом Красоты.

С другой стороны, более чем значителен вес воспитательно-дидактического задания (того, что к концу столетия приведет к знаменитым реформам Г.Р.Державина в русле панегирической одописи и связанном с нею окружении).

Наконец, с третьей стороны рассмотрения, эпиталамика чутко реагирует на сам новый литературный контекст: изначально наиболее близкая, по видению мира, антико-центричному классицизму, в России она, особенно к последней четверти XVIII века, ведет свободный диалог с сентиментализмом, предромантизмом.

В последнем случае трудно недооценить роль литературного кружка Н.А.Львова, лидер которого сумел даже спокойную каноническую эпиталамику поставить на верную службу новым сво-

⁵ *Mroczek, K.* Epitalamium staropolskie: Między tradycją literacką a obrzędem weselnym. – Wrocław, 1989. – 231 p.; *Contiades-Tsitsoni E.* Hymenaios und Epithalamion. Das Hochzeitslied in der frühgriechischen Lyrik, Beitr. Zur Altertumskunde Nr. 16 Stuttgart Teubner 1990. 137 p.; *Horstmann S.* Das Epithalamium in der Lateinischen Literatur Das Epithalamium in der lateinischen Literatur der Spätantike. München (Saur) 2004. BzA: 197. – 349 S.; *Забродская, В.С.* Эпиталама ад антычнасці да барока: історыя тэорыі жанру [Электронны рэсурс] – Режим доступу: <http://www.hist.bsu.by/images/stories/files/nauka/konf/L-2013/Zabrodskaja.pdf>

⁶ *Петров, А.В.* Эпиталама в русской литературе XVIII века: Очерки по исторической поэтике жанра / А.В.Петров. – Магнитогорск: МаГУ, 2012. – 218 с.

⁷ *Петров, А.В.* Эпиталама в русской литературе XVIII века:

им творческим экспериментам⁸. Именно у Николая Львова, вспомним, появляется даже эпиталамическая игровая драматургия («Парисов суд», «Сильф, или Мечта молодой женщины»).

Еще своеобразнее проявляет себя эпиталамическая система в русской «легкой поэзии» второй половины столетия⁹. В родной своей Франции более связанная с культом любовной игры, свободной от нравственных и общественных уз, у поэтов России она нередко морализирует и просвещает, в связи с чем как раз и актуализируется освященный институт брака.

В творческом наследии Михаила Муравьева, создателя русской «легкой поэзии», одного из зачинателей нашего сентиментализма и, наконец, деятельного и творческого участника Львовского кружка, эпиталамические мотивы звучат хотя и не столь эпатажно, как у Львова, не столь назидательно, как у Державина, и не так трафаретно, как, скажем, у Хвостова или Шаликова, – тем не менее, весьма самобытны.

Первое, на что сразу стоит обратить внимание, заключается в том, что у этого писателя эпиталамика интересно переплетена с общей идеей раннего сентиментализма о преклонении перед Женщиной как перед Красотой. Так, например, миниатюра «К Алзоре» (1781) завершается дружеским пророчеством к юной красавице – о том, что когда она вступит на стезю, ведущую к счастью, – это станет всеобщим праздником мира: только самим «сладостным присутствием» Она будет «толпы останавливать»¹⁰.

Центром образа Алзоры выступает, конечно же, светлое сердце: «...ощущаешь Сладчайший сердца миг биения твоего...», да и сам поэт высшим даром считает «...сладость ... Твой образ в сердце звать...»¹¹.

Вершиной же обожествляемой и обожествленной Красоты предстает благословляющее бракосочетание божество Любви: «...радость ...

бог любви из глаз твоих лиет...»¹². Автор, в отличие от традиции, не равноправен со всем хором свадебных славословий, он – и не вождь-моралист, а лишь смиренный созерцатель: «... знакомый твой, я буду с многолюдством, Но их счастливее, их вздохи разделять...»¹³. Интересно и символично, как дальше эту тему продолжит В.А.Жуковский – осветлив и возвысив тему Красоты, он напишет известную миниатюро-молитву «Теснятся все к Тебе во храм...».

Тема небесного брака интересно продолжена у Муравьева в «легких стихотворениях» «Отъезд» (1782) и «Истинная красота» (дата оконч.: 1784?).

В первой из миниатюр даже прямо дана «гиперссылка» на знаменитое творение современника, Ипполита Богдановича, – поэму «Душенька»: «любви и грации» – «играются красами» Нины, которой и слагается этот маленький гимн-поклон, как ими играет «Душенькин супруг» – всесильный и прелестный Амур¹⁴. В строках «Истинной красоты» лирическая картина продолжит развитие сюжета – и бог уже спустится к самой красавице: «... И в объятья прибегает Твой питомец – нежный бог...»¹⁵.

Закон эпиталамики – в гармонии воспевать гармонию и внешней и внутренней красоты вступающих на стезю семейной жизни. В «Истинной красоте» потому поэт и признается, что только поначалу к ней люди «... влекомы Внешней вида красотой»¹⁶. Постигание Красоты как смысла Счастья наступает лишь тогда, когда внешний, «физический» облик вообще начинает «растворяться в памяти», забывается – тогда и проявляется и остается навеки Главное: «Все черты твои прекрасны», но «... лучше сердце их»; «Удивленья наше данью Добродетелям твоим...»¹⁷.

Внутренняя красота, и тут уже свое звучание поэтософским размышлениям писателя придает отечественная традиция, неотделима от понятия ответственности. Интересно в этом плане еще одно произведение времени расцвета таланта Муравьева, 1780-х годов, – «Иной бы стал непостоянством...» (1782). Именно в этом стихотворении появляется сквозное слово-рефрен эпиталамики – узы (узы брака, узы Гименея): «Счастливы, кто нес твои оковы ... Пусть он приемлет узы новы...»¹⁸ – как видим, узы не только не тя-

⁸ Милогина, Е.Г. Эстетика парадиза в усадебном творчестве Н.А.Львова / Е.Г.Милогина // Михаил Муравьев и его время. – Казань: ГБУ "Респуб. центр мониторинга качества образования", 2013. – С.77 – 87.

⁹ На материале потенциалов творческой системы М.Н.Муравьева – см.: Бруханский, А.Н. М.Н.Муравьев и «лёгкое стихотворство» / А.Н.Бруханский // XVIII век. Сб.4. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – С.151 – 171; Луцевич, Л.Ф. К проблеме литературно-теоретических взглядов М.Н.Муравьева и К.Н.Батюшкова / Л.Ф.Луцевич // Венки поэту: Жизнь и творчество К.Н.Батюшкова. – Вологда: Всеросс. музей А.С.Пушкина, 1989. – С.28 – 37.

¹⁰ Муравьев, М.Н. Стихотворения / М.Н.Муравьев. – Л.: Сов. писатель, 1967. – С.211.

¹¹ Муравьев, М.Н. Стихотворения.... – С.211.

¹² Муравьев, М.Н. Стихотворения.... – С.211.

¹³ Муравьев, М.Н. Стихотворения.... – С.211.

¹⁴ Муравьев, М.Н. Стихотворения.... – С.215.

¹⁵ Муравьев, М.Н. Стихотворения.... – С.225.

¹⁶ Муравьев, М.Н. Стихотворения.... – С.224.

¹⁷ Муравьев, М.Н. Стихотворения.... – С.224.

¹⁸ Муравьев, М.Н. Стихотворения.... – С.213 – 214.

гостны, но желанны, и чем они теснее «свяжут», скуют жизнь человека – тем важнее и значимее эта жизнь станет.

И опять, как и в прежде рассмотренных нами лирических миниатюрах, – основой, на которой покоятся эти узы, становится нравственность. Только она, нравственность, оживляет жизнь и не дает ей замкнуться в недвижности – словом, заключает поэт: «Самой Киприде изваянной Недостает еще душа!» «В вечной юности душа» – венец и стихотворения «Истинная красота»¹⁹.

Но пока наш автор все еще предстает скорее просто как добросердечный сторонний наблюдатель, ведь благословляет он счастье *иных* красавиц. Сентиментализм тем и замечателен в литературной традиции, что, говоря словами самого Муравьева, помог осуществить «оборот на себя», связать *свою* жизнь и *свое* творчество в единую систему неповторимого лирического дневника. Вот почему циклу эпиталамических мотивов до тех пор не будет доставать цельности, до каких не появится автобиографическое видение семейного счастья.

Таким венцом эпиталамики в муравьевской лирике суждено было стать стихотворному посвящению «Милое дитя», первая редакция которого завершена была, как установлено Л.И.Кулаковой, около 1779 года. По целому ряду версий исследователей, стихотворение имело живого, а не условно-литературного адресата: это – юная Катюша Колокольцева, в недалеком будущем – невеста, а потом и жена Михаила Никитича. «Игранья», «веселости» – вообще неотъемлемый атрибут эпиталамики; здесь они живут еще своеобразнее: играют... автор и его адресат.

Стиль игры – разный: у НЕЕ – быстрый, летящий, подвижный, все время меняющийся, межребенком и взрослой жизнью, у НЕГО – полупассивный, добросердечно поддерживающий, где главенствуют чуткое соучастие и благоговейное молчание: «... во всех забавах детства Я всегда товарищ твой» – но при этом: «Я не смею продолжать»...²⁰.

Символично предваряя и предрекая свадебное торжество, звучат мотивы танцев и песен (по интересному наблюдению А.Петрова, они сохранялись и в эпиталамике начала XIX века, к примеру в шаблонном эпиталамическом подношении гр.Д.Хвостова по случаю грядущего свадебного торжества у Николая Павловича Романова,

будущего Императора Николая I²¹): «Пляшешь весело со мной», «Песни мне свои поешь»...

Главной в будущем союзе, сразу и безоговорочно, становится ОНА. На лирического героя обрушивается, попросту говоря, целый «шквал» разных весело-строгих затей его избранницы. Возникает любопытное двоемирие всякого семейного союза: здесь и Небесное, высокие чувства, с которыми пока что обходиться даже и забавно (именно с НИМ ее «язык отважный» готовится «страсть изображать») – но здесь же и неминуемое земное: с ним же, своим пока что просто «старшим другом», юная шалунья «в пальцы шьет» (старший друг – превращается в «подружку», для «легкой поэзии» нет ничего невозможного...), и, наконец, все с тем же «гостем-спутником», учится девочка и «прозе», следующей за эпиталамической лирикой: потому ОН смиренно и пишет, обращаясь к ней заранее с извинениями за любой, пусть и мнимый свой проступок: «Мне отсутствие попрекаешь...». Но – бури скоро минуют: «Хладный вид – одна уловка, И Амур смеется ей...»²². Вновь – бог Любви, предвестник владений эпиталамики, но и сам испытавший мир семейной жизни, по прелестному античному мифу об Амуре и Психее... (для Муравьева, вдобавок, немаловажен и «предтекст» И.Богдановича в «Душеньке»).

Пастельная палитра эпиталамических мотивов проявит себя и в иных родах словесности, представленных в достаточно обширном творческом наследии Муравьева. Так, сцены помолвки, подготовки к празднику соединения семейными узами – частотны в драматургии писателя разных лет, в т.ч. – в незавершенных набросках комических опер («Доброй барин» и некот.др.). Само торжество, по древнему языческому его сценарию, изображено в «оссианической» повести М.Н.Муравьева 1800-х годов – «Оскольд». Наконец, цикл «повестей-идиллий» о провинциальных «дворянских гнездах» («Обитатель предместья», «Эмилиевы письма») – своего рода «эпилог эпиталамики»: здесь писатель рассказывает о счастливых семьях.

Итак, первой, локальной перспективой нашей темы может стать рассмотрение эпиталамических мотивов в творчестве Муравьева в целом.

Выходя на более обширный информацией уровень, интересно, как нам представляется, проанализировать закономерности соотношения и взаимодействия эпиталамики и «легкой поэзии», это позволит выявить новации русской литерату-

¹⁹ Муравьев, М.Н. Стихотворения.... – С.214.

²⁰ Муравьев, М.Н. Стихотворения.... – С.223 – 224.

²¹ Петров А.В. Эпиталама в русской литературе XVIII века: – С.183 – 184.

²² Муравьев, М.Н. Стихотворения.... – С.223 – 224.

ры второй половины XVIII – начала XIX веков в жанровом и идейно-тематическом планах.

Третий возможный в будущем ракурс – изучение своеобразия эпиграмматики в системе «Сентиментализм – Преромантизм – Романтизм»; именно на этом временном отрезке закладыва-

лось своеобразие миропозиции Золотого века русской классики, где свадебно-торжественные аллюзии попадают уже в иное окружение, вплоть до новых радикальных гражданственно-философских идей (как у Н.Г.Чернышевского в снах романа «Что делать?»).

EPITHALAMIC MOTIVES IN THE POETRY OF M.N.MURAVIEV (ON CHALLENGE PROBLEM)

© 2015 A.N.Pashkurov^o

Kazan (Volga region) Federal University

The article deals with the dynamics of genesis and evolution of the epithalamic system in the literature of Russian sentimentalism and pre-romanticism based on the works of one of the leading representatives of these literary trends in Russia in the XVIII century – Mikhail Nikitich Muraviev (1757 – 1807).

Key words: epithalamic motives, Muraviev, poetics of Russian literature of the last third of the XVIII century.

^o Alexey Nikolaevich Pashkurov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature and Teaching methodology, Institute of Philology and Cross-cultural communication.
E-mail: anp.72@mail.ru